

УДК 94(477)"15/18":821.511.14-3 Мор Йокаи

МОР ЙОКАИ И УКРАИНА

Герасимова Г. П. (Киев)

Статтю присвячено розгляду маловідомих сторінок творчості класика угорської літератури XIX ст. Мора Йокаї, а саме – відображенню історії України в його своєрідному романтичному стилі, що поєднував достовірність із чарівною фантазією.

Ключові слова: Мор Йокаї, історія України, Росія, достовірність, фантазія.

При рассмотрении художественных произведений, изображающих чужие страны и народы, неизбежно возникает вопрос о достоверности изложенного автором материала, особенно если речь идёт о последнем романтике Европы, энциклопедисте и полиготе Море Йокаи (1825-1904), одном из создателей венгерского исторического романа. Свободолюбивый кумир Венгрии, достоверно воспроизводя эпохи бурного прошлого своей родины, постоянно обращался к теме тирании и национально-освободительных движений многих стран мира. Начиная с событий 1848 г., пристальный и непреходящий интерес вызвала у него соседняя Российская империя и населяющие ее народы. Посвящая ее истории рассказы, повести и романы, Йокаи опирался в основном лишь на западноевропейские источники – хроники, труды историков и публицистов, мемуары дипломатов и путешественников (Т. Аткинсона, В. Диксона, Ж. Кастера, А. де Кюстина, Ф. Лакруа, Л. Сегюра, В. Ральстона, И. Шницлера и др.).

Изобразительными средствами романтической поэтики, благодаря талантливому синтезу в основном добротной исторической основы, легкокрылой, поэтической фантазии и своеобразного стиля Йокаи воссоздал 2,5 века русской истории (от Лжедмитрия до современности писателя). Он представил новый для своих читателей художественный мир, населенный исторически реальными и вымышленными персонажами [1]. Он познакомил венгров с А. С. Пушкиным и декабристами (роман «Свобода под снегом, или Зеленая книга», 1878), с династией Романовых и ее придворными, противостоящим тирании народом в лице Е. Пугачева (рассказ «Дерзновенный», 1864), и даже смог предсказать кровавый террор в России после прихода к власти революционеров-нигилистов» (научно-фантастический «Роман грядущего столетия», 1872).

Что же касается изучения произведений Йокаи на украинские темы, представляются продуктивными попытки прежде всего установить круг друзей писателя, имевших контакты с жителями Закарпатья (входившего тогда в состав Австро-Венгрии) и Центральной

Украины, – ведь они могли поделиться с ним личными наблюдениями и впечатлениями.

С одним из них – Михаем Либом (1844-1900) – связана единственная пока что известная поездка писателя в закарпатский город Мукачево (Мункач) 2 марта 1882 г. Поводом послужило избрание М. Либа почётным гражданином родного города и присвоение ему – по его просьбе – фамилии «Мункачи» («Мукачевский»), под которой он и вошёл в историю мирового искусства. Йокаи присутствовал вместе с женой на торжествах, любовался факельным шествием и фейерверком. Об этом факте сообщили газеты; произведения Йокаи были популярны в Закарпатье, как и во всей Венгрии; его именем называли одну из улиц Ужгорода [2]. К сожалению, эта поездка состоялась после издания основных произведений Йокаи на русские темы, и проследить вероятное воплощение его впечатлений или сведений, сообщенных ему М. Мункачи, в творчестве писателя не представляется возможным.

Другом Йокаи был и другой, не менее известный живописец – Михай Зичи (1827-1906), придворный художник трёх российских императоров, иллюстратор многих выдающихся произведений мировой литературы, в том числе и самого Йокаи. Во время своих приездов в Венгрию М. Зичи встречался с другом и, несомненно, делился впечатлениями о России и тамошних знакомых, которые принадлежали к кругу лиц, встречающихся с Тарасом Шевченко (М. Микешин, Ц. Гобебский, Н. Гербель, И. Айвазовский и др.). Возможно, М. Зичи был лично знаком с поэтом. Во всяком случае, на его иллюстрации к «Тарасу Бульбе» Н. Гоголя «Тарас перед телом убитого Андрея» (1881) лицо главного героя разительно похоже на известный автопортрет Т. Шевченко 1860 г. [3]. Эта картина воспроизведена в альбоме дореволюционных украинских открыток [4]. Известно, что украинский поэт в письме к А. О. Козачковскому (1812-1889) от 14 апреля 1854 г. просил прислать ему «Слово о полку Игореве» в новом переводе Н. В. Гербеля (1827-1883) с иллюстрациями М. Зичи. Кстати, М. Зичи бывал в Киеве и 5 декабря 1897 г. был избран почетным членом Киевского Литературно-артистического общест-

ва.

Среди унгаристов циркулировал слух о том, что в одном из произведений Йокаи упоминал о Т. Шевченко. К сожалению, проверить его, живя в Киеве, невозможно: ни в одной библиотеке нет всех произведений Йокаи на венгерском языке (в любом издании).

Еще одна ниточка, которая могла бы связать Йокаи с Т. Шевченко, – дружба сначала Йокаи, а позднее Т. Шевченко с известным негритянским трагиком Айрой Олдриджем (1807-1867). Йокаи подружился с ним во время гастролей актёра (1852 г.) в Будапеште, где он играл вместе с венгерской группой. Трагик был избран почетным членом Венгерской драматической консерватории, где произнёс по-английски научную речь о Шекспире, Гёте и Шиллере [5]. С 1858 г. он гастролировал по России, в 1861-1866 гг. – по многим городам Украины и был знаком с выдающимися деятелями украинской и русской культуры. Во всех источниках о жизни и творчестве А. Олдриджа сказано, что он умер в Лодзи (Польша), направляясь в Петербург, но ни в одном из них нет сведений, где он был до этого, откуда ехал через Польшу в Россию [6], посетил ли он Будапешт, где мог встретиться с Йокаи и поделиться с ним своими впечатлениями о пребывании в Украине и воспоминаниями о Т. Шевченко. Вопрос остаётся открытым.

Источником сведений об Украине для Йокаи мог стать и всемирно знаменитый композитор и пианист-виртуоз Ференц Лист (1811-1886), чья жизнь и творчество были связаны с Украиной.

Еще в 1842 г., будучи в Германии, Ф. Лист общался со студентом Берлинского университета киевлянином Петром Дмитриевичем Селецким (1821-1879), будущим вице-губернатором Киева и главой отделения Русского музыкального общества [7]. Об этом вспоминал позднее сам П. Селецкий в своих «Записках» («Киевская старина», 1884, № 4). В 1842 и 1843 гг. Ф. Лист уже гастролировал по России, а в 1847 г. – по Украине, выступая во многих украинских городах, в том числе дал три концерта в Киеве, которые стали выдающимся событием в жизни города. Недаром 22 октября 1998 г. на фасаде Дома контрактов, где он выступал, по инициативе Киевского общества венгров была открыта доска «К 150-летию концертов Ференца Листа в Украине (1847-1997 гг.)», созданная скульптором Юрием Багаликом и архитектором Яношем Вигом [8].

В Киеве он познакомился, в частности, с историком Н. И. Костомаровым (1817-1885) и семьёй его невесты Алины Крагельской [9], которой прочил блестящую музыкальную будущность, а также с княгиней Каролиной Витгенштейн. В 1848 г. Ф. Лист гостил в её

имении в с. Воронинцы. В следующем году как гражданская жена Ф. Листа она уехала с ним за границу, за что впоследствии Александр II лишил её всех прав, поместий и российского подданства [10]. Ф. Лист был очарован украинскими народными песнями. На темы двух из них («Ой, не ходи, Грицю» и «Віють вітри») он создал в Воронинцах фортепианные пьесы «Украинская баллада» и «Думка». Пребывание композитора в Воронинцах (теперь Хмельницкого р-на Винницкой области) было торжественно отмечено его жителями в 1997 г. [11]. Ф. Лист стал автором этюда для фортепиано «Мазепа» и одноименной симфонической поэмы по В. Гюго (1859). Как видим, он мог значительно обогатить представления об Украине своего многолетнего друга – Мора Йокаи, который посвятил ему в 1851 г. стихотворение «К Листу». Композитор же написал на слова Йокаи мелодекламацию «Любовь мёртвого поэта» («Aholtköltőszerelem», 1874) в память Ш. Петефи [12]. Особенно сплотился кружок друзей (М. Мункачи, М. Йокаи, К. Абрани, Ф. Лист) в 1875 г., когда Ф. Лист стал основателем и профессором Венгерской музыкальной академии; он мог поведать друзьям много интересного о жизни в Украине и России, как и его ученица (с 1876 г.) М. Свистунова, дочь декабриста, переводчица романа Йокаи «Новый землевладелец». Возможно, какие-то сведения об этом писатель оставил в своих двухтомных мемуарах «Életemből» («Из моей жизни», 1911), ознакомиться с которыми нам не удалось.

Все эти вопросы могли бы выяснить закарпатские и венгерские учёные, имеющие доступ к документам из архивов и музеев Венгрии. Поэтому перейдём из области предположений и гипотез к рассмотрению сначала отдельных упоминаний Йокаи о различных реалиях украинской жизни, а затем уже к анализу известных нам рассказов на украинские темы.

Венгерский писатель обнаруживает серьёзные познания в географии Украины, её отдельных регионов – Галиции, Буковины, Волыни, Подолья, называет крупные города, описывает живописные Карпатские горы, упоминает реки Буг и Днестр («Роман грядущего столетия», «Ахтиарский пленник»).

На страницах «Свободы под снегом» возникает прекрасный образ древнего Киева – «столько раз разрушенного и восстановленного скифского Иерусалима с пещерами, наполненными мощами сарматских святых. Он издалека возносился позолоченными куполами, будто весь город состоял из одних церквей, среди которых возвышается огромная колокольня Лавры», которую автор называет гостеприимной.

О Киеве он вспоминает и в «Сыновьях Шамиля» в связи с волнениями финских студентов, из-за которых университет чуть не перевели в Киев [13]. Об этом же Йокаи говорит и в «Свободе под снегом».

В повести «Чалавер» автор упоминает о сосланных в Сибирь киевских «нигилистах» 80-х годов XIX ст. Но поскольку Йокаи ничего не сообщает ни о партийной принадлежности этих революционеров, ни о точном времени их ссылки, установить, о какой именно группе «нигилистов» идет речь, невозможно: в Киеве, ставшем своеобразным центром терроризма, лишь в 1879-1882 гг. состоялось 22 политических процесса [14].

В «Свободе под снегом» автор описывает безбрежные и безлюдные украинские степи. Единственными признаками того, что здесь жил давно исчезнувший народ, он называет скифские курганы и каменные «бабы» – каменные статуи их богов. Тут же изображен (со ссылкой на Геродота) могучий, полноводный Днепр с его порогами, самым ужасным из которых был Ненасытец. Пером истинного мастера нарисованы картины разлива Днепра и весенней распутицы в степи.

Чаще других регионов Йокаи упоминает или изображает Крым. В романе «Дамокоши» Йокаи говорит о венграх, попавших в плен к татарам и ожидающих в Крыму, пока их выкупят. Рассказ «Ахтиарский пленник» начинается с изложения истории возникновения на месте заброшенной татарской деревушки Ахтиар, «населенной бедными мелкими торговцами и ещё более бедными крестьянами» – татарами, евреями, армянами и греками, города Севастополя. Автор восторгается его могучими бастиями, уютными гаванями, каменными башнями, но с грустью констатирует достоверные факты массового выселения татар к черкесам, разрушения старинных построек, в том числе и Бахчисарайского дворца, и строительства новых зданий русскими и греками. Йокаи сожалеет о том, что на улицах Севастополя вместо свиста крыльев стремительных ласточек слышен свист пуль и грохот оружейных залпов, которыми уничтожают друг друга четыре нации в неслыханной (со времен Гомера) по своей жестокости Крымской войне [15]. В «Свободе под снегом» путешествие Александра I на юг дает возможность проследить его маршрут по Крыму, который Йокаи называет «цветущим раем, где виноградные лозы обвивают стволы пальм, а лето длится дольше, чем в России зима» (Йокаи считал, что в Российской империи было два рая – Грузия и Крым).

В повести «Сыновья Шамиля» он описал чарующую красоту украинских девушек, которая, однако, оборачивается для них большой

бедой: их помещица Белгородская торгует крепостными красавицами: наиболее талантливых она продает в театры и цирки, остальных в наложницы любому толстосуму.

Тот факт, что Йокаи прекрасно знал о тяжелом положении украинских крепостных крестьян, ярко иллюстрирует рассказ «Сколько домов – столько обычаев» (1855) с подзаголовком «Украинские крепостные», созданный на материалах «Тайн России» Ф. Лакруа. Здесь он не только показывает бунт украинских крестьян против своего жестокого и сластолюбивого барина, но и оправдывает его убийц.

Выбранный им сюжет предоставил автору возможность подробно и достоверно, в выразительной художественной форме раскрыть те глубинные причины, которые делают невыносимым положение крепостных и толкают их на акт кровавой мести: барин может продать, убить, подарить своего крепостного, следуя только велению своих прихотей. Йокаи саркастически определяет положение мужика как «самое спокойное в мире, поскольку в интересах помещика заботиться о том, чтобы его собственность не умерла с голоду, не поубивала друг друга, не попала в тюрьму во время полевых работ, чтобы мужицкие дочери выходили замуж... Ведь мужик – это собственность, которую надо приумножать...» [16]. Понимает автор и сущность оброка: «Если у мужика есть склонность к торговле или ремеслу, он может заняться ими, но только с согласия хозяина, которому принадлежит всё, что мужик зарабатывает на этом поприще» [17].

Йокаи раскрывает разлагающее влияние крепостничества как на крестьян, так и на помещиков. За горсть золотых жених Малики отдает её в руки распутного самодура – графа Чарекова, жизнь которого заполнена оргиями, пьянством, издевательствами над крепостными девушками. В качестве наиболее характерной черты Чарекова и его собутыльников писатель выделяет пустоту, ограниченность и моральную растленность, вызванную бездельем и возможностью вершить суд и расправу над крестьянами, которые в итоге с вилами и косами бросаются на барскую усадьбу.

Показывая распространение крестьянского возмущения по всей Украине и жестокую расправу с мятежниками, венгерский писатель высоко оценивает вольнолюбивые чувства русского и украинского народов: «Самый покорный народ становится грозным, когда восстаёт; нигде нет таких ужасающих бунтов, как у северных славян...» [18].

Однако Йокаи ясно видит и то, что стихийная месть со стороны крепостных не может привести к желанным результатам («Судьба крепостных такая же, как и прежде»),

на конкретном життєвому матеріалі показує чудовищність крепостної залежності, протиставленість самого принципу угнетення людської особистості.

Сатиричними інтонаціями проникнуті описання «безмятежного» існування крепостних, а також паразитичного, розгульного образу життя російських поміщиків. Красочні описує Йокан костюми крістьянських дівчат: «Волоси їх були заплетені в дві товсті коси і перевиті шовковими стрічками, які висіли за спину; у кожній високий бісерний вінчик обвивав лоб, як корона; стрункі талії були затягнуті корсажами... Російські гордіся, якщо їх дочки нарядно одягнені, і російський чоловік швидше обійдеться без необхідної худоби, ніж залишить дочку без нових стрічок» [19]. Якщо уявити, що мова йде про українських дівчат (Йокан допускає тут дуже часту підміну поняття «український» поняттям «російський»), то слід визнати, що автор дуже правильно підмітив естетизм українців. Про це говорять і українські етнографи: «Наші предки... вміли пишатися, але й було чим – з господарності, порядку, краси й чесності своїх жінок, дочок і дівчат, чим явно милувалися, бо ж ці риси вдачі українців плакалися під захистом козацької зброї» [20].

Зображаючи конфлікт між барською усадьбою і селом, Йокан представляє розправу на поміщицькому дворі як результат соціальної несправедливості. Створений ним типовий образ російського поміщика-самодура показаний як природне породження крепостницької системи, яку письменник клеймить в суспільному і морально-життєвому її проявленні.

Зробив героїми свого твору вигаданих осіб, Йокан отримав неограничені можливості для сплетіння прихотливої сюжетної канви і характеристики персонажів, т. є. для вільного оповідання, не зв'язаного рамками вимог історичної достовірності в часі і просторі, – ведь подібні історії відбувалися в Росії і Україні часто і повсюдно. Вони неодноразово ставали предметом художнього зображення (повість «Ульяна» Ю. Крашевського, поеми «Марина» Т. Шевченка і М. Рильського і др.).

В цьому розповіді Йокан допустив деякі неточності. Через слабку знайомість з російським поміщицьким життям барська усадьба виглядає у нього замком, а розрука її вбунтованими крістьянами викликає асоціації зі сценами облоги йменами замка Торкілстон в романі В. Скотта «Айвенго» (наприклад, згідно Йокан, «перед крильцем удалось опустити залізну решітку, яка

повністю відділила атакуючих») [21]. І це дивно: ведь першою книгою, прочитаною в ранньому дитинстві письменником, був саме цей роман.

Хоча внутрішньої політичної метою розповіді «Скільки будинків – стільки звичаїв» був показ різниці між положенням крістьян в Росії і Венгрії (де, як Йокан помилково вважав, уже не було причин для незадоволення) [22], письменник достовірно і емоційно розкрив венгерським читачам деякі сторони крепостного права на території Російської імперії і його наслідки – несправедливість і трагізм існування угнетеного народу, феодальний виробництво і безкарність дворянства.

В Україні відбувається дія розповіді «Амирани» (збірка «Із країни Півночі», 1879). В ній викладено хоч і цікава, але вигадана історія взаємовідносин поміщика Ноздромінова з його рабинею – красивою, розумною і талановитою грузинкою Амирани. Її господар зображений різко сатирично; не спроможний ні до логічного мислення, ні до практичних дій, він займався однією лише полюванням. Його лень, ніщолюбство і самовпевненість особливо рельєфно виділяються на фоні діяльної підприємливості Амирани, свідуючої про всіх господарських справах. Ноздромінов був повернений до повної прострації повідомленням про швидкий приїзд Катерини II, яку йому належить гідно зустріти, розважати, а також продемонструвати свої досягнення в сільському господарстві. Лише завдяки Амирани йому вдалося вийти з дуже складного положення. За місяць були прокладені дороги, посереді степу вистроєний цілий місто, названий Вознесенськом. Ноздромінов заселив його своїми крепостними, які повинні були зображати сапожників, портних і інших ремісників. Найбільш красиві дівчатка були обрані для швидкого навчання танцям, співу і т. д.

Встреча імператриці була дуже пишною і торжественною (військовий парад, феєрверк, виступи крепостних артистів, сільськогосподарська виставка). Катерина II залишилася дуже задоволена прекрасним парком (багаторічні платани були викопані напередодні в іншому місці і посаджені навколо спеціально вистроєного для неї дворця), смачним сиром, який місцеве виробництво (насправді доставлений з Швейцарії) і т. п. Ноздромінову вдалося випутатися з багатьох комічних ситуацій, загрозливих йому неприємностями, але довелося одружитися на Амирани, т. к. цариця прийняла її за дружину поміщика. В історії Росії відома аналогічна примусована одруження генерала Воїнова, командира гвардійського корпусу, на

простолюдинке. Александр I принял женщину, ехавшую в экипаже генерала, за его жену, похвалил её мужа за верную службу и поцеловал ей руку. Узнав об этом, Воинов настолько перепугался, что обвенчался со своей подругой в первой же попавшейся им по дороге церкви [23].

Уже само название рассказа вызывает недоумение: Йокаи выбрал своей героине явно неудачное имя. В повести «Рюмин» он упоминал о древних грузинских сказаниях «Амирани», «Дилариани» и др., но, очевидно, так и не узнал о том, что Амирани – это грузинский Прометей, богоборец, укравший огонь для людей и прикованный за это к Кавказскому хребту. Ведь Йокаи обладал тонким вкусом и не стал бы проводить аналогии между подвигом для блага человечества и избавлением рабыней ничтожного помещика от царской опалы. Следует заметить также, что всех своих украинских героинь писатель наделяет псевдоукраинскими именами – Малика, Теодора, Козима (кстати, Козимой звали дочь Ф. Листа и Марии д'Агу, баронессу фон Бюлов, а затем, во втором браке, жену Рихарда Вагнера; может, он сделал это в честь дочери друга?).

Йокаи прекрасно знал о полном беспорядке крепостных в России, что нельзя сказать о постсоветских сценаристах телесериала «Бедная Настя», которые строят одну из сюжетных линий на совершенно ложной, антиисторической основе: князь Андрей Долгорукий позволяет себя шантажировать из страха, что его невеста (княжна Наталья Репина) узнает о его связи с крепостной Татьяной. Но ведь в ту эпоху княжна сочла бы этот факт невинной добрачной шалостью; ревновать она могла бы к равной себе женщине, но не к «дворовой девке».

Место действия рассказа названо автором сначала весьма расплывчато – между Южным Бугом и Днестром, т. е. территория, которая отошла к России в 1777 г. согласно Кучук-Кайнарджийскому договору. В ходе развития сюжета все события аккумулируются в одном пункте – в г. Вознесенске. На самом деле в то время (1787 г.) на его месте существовал лишь казачий зимовник, который не значился в маршруте следования Екатерины II. Историю строительства Вознесенска Йокаи рассказывает по данным Ф. Лакруа, который переносит дату его возведения с 1795 в 1837 год. Что же касается подробностей встречи Екатерины II, то, по описаниям историков и воспоминаниям графа Сегюра [24], на роль центра действия рассказа «Амирани» более-менее подходит город Кременчуг.

Рассказ обыгрывает миф о т. н. «потёмкинских деревнях», что вынуждает нас углубиться как в историю возникновения города, так и в освещение личности выдающегося государственного деятеля, именем которого он

был назван, – Г. А. Потёмкина.

Екатерина II предприняла путешествие в Новороссию и Крым с целью ознакомиться с их освоением под управлением Г. Потёмкина (в 1776 г.) и заодно продемонстрировать иностранным дипломатам и знатым лицам, сопровождавшим её, военную и хозяйственную мощь России.

Григорий Александрович Потёмкин (1739-1791) был единственным из фаворитов Екатерины II, которого она допустила к деятельному участию в государственных делах, за что против него постоянно интриговали соперники и завистники. Карьера его была головокругительной: от гвардейского поручика до графа (1774), генерал-фельдмаршала (1784), князя Священной Римской империи, гетмана казачьих и черноморских войск, кавалера всех орденов России.

Став губернатором новоприобретённых земель Новороссии, Г. Потёмкин развил энергичную деятельность по заселению и освоению обширных и пустынных степей. Каждый лично свободный человек имел право получить землю в Новороссии с обязательством её заселения. Русские и украинские крепостные бежали на юг, вызывая огромное недовольство со стороны их владельцев. Г. Потёмкин охотно принимал беглецов, резонно возражая возмущённым помещикам: если бы вы по-человечески обращались со своими крестьянами, они бы не покидали насиженные места целыми семьями. Новороссия привлекала также и заграничных колонистов.

Г. Потёмкин вынашивал грандиозные планы развития благодатного края [25]. Он строил города (Екатеринослав, Херсон, Одессу, Севастополь), порты, верфи, дороги, мосты, мечтал основать университет в Екатеринославе. Он деятельно способствовал развитию всех отраслей сельского хозяйства, торговли и ремёсел как в причерноморских степях, так и в Крыму. Когда же ему не хватало доходов края на осуществление проектов, он «запускал руку» в общегосударственный бюджет (в ущерб другим регионам) или же добавлял собственные средства.

Особенно интенсивный характер созидательная деятельность Г. Потёмкина приобрела в связи с запланированным на 1787 г. путешествием императрицы в Крым. Власти всех губерний, через которые пролегал маршрут поездки, старались превзойти друг друга в благоустройстве дорог и городов. Возводились дворцы и триумфальные арки, готовились иллюминации, фейерверки и богатая «культурная программа».

Императрица, а особенно иностранцы были потрясены картиной процветающего края; неизгладимое впечатление произвёл на всех

могучий Черноморський флот на севастопольському рейді, військові маневри в Кременчузі (донська і казача кінниця, кавалерійські полки). Щоб перебільшити в очах Європи силу Росії і попередити відтік потенційних колоністів в Новоросію, зарубіжні посланники (Г. А. фон Гельбиг, граф Сегюр і др.) представили все увиденне в час подорожі по півдні України як містифікацію новоросійського губернатора, звідки і з'явився міф про «потёмкинських деревах». В тому, що це був дійсно міф, змогла переконатися легковажна Турція в час чергової російсько-турецької війни [26].

Ревізія господарської діяльності Г. Потёмкіна, закінчена при Олександрі I, не виявила жодних фінансових зловживань з його боку. Переконливим свідченням успіхів, досягнутих ним в Новоросії, можуть послужити восторжені відгуки гетьмана Кирила Разумовського (1728-1803), побувавши там за 5 років до Катерини II, причому до його приїзду ніхто не готувався, і о «показу» не могло бути і мови.

О князі Г. Потёмкіні Йокані згадує в «Романі майбутнього століття» в одному ряду з могутніми міністрами європейських країн – А. Ришельє (1585-1642), Д. Мазарині (1602-1661) і Н. Кауницем (1711 -1794) [27].

Розв'язний «пасаж» очікував читача в епілозі, присвяченому реальному історичному персонажу, відомому в Росії і Європі вченому-енциклопедисту, експериментатору і подорожнику Петеру Симону Палласу (1741-1811). Уроженець Берліна, він з 1767 г. жив і працював в Росії, де здійснив кілька подорожей по країні, в тому числі по Приазов'ю і Криму, видав їх описання. Ім'я П. Палласа було добре відомо і в Угорщині по різних публікаціях в «Угорській бібліотеці», «Всякій всячині» («Sokféle») і інших періодичних виданнях.

Цього почесного вченого Йокані зобразив придворним поетом, супроводжував Катерину в поїзді на південь і написав настільки високу оду по приводу свята в Воскресенську, що імператриця подарувала йому цей місто і призначила його правителем. Після її від'їзду всі «жители» повернулися на свої місця, місто опустело і П. Паллас опинився в повній самотності в палаці – колишньому притулку цариці. В першу ж ніч його єдиного коня з'їли вовки, рясніючи по вулицях, і П. Палласу не на чому було виїхати з Вознесенська. Блудуючи по залах царської резиденції, він – ніби – соїв з розуму.

На справді П. Паллас не супроводжував царицю в її подорожі. Катерина II дійсно подарувала йому – але не місто, а

помістя в Судак, дім в Акиметі і 10 тис. рублів «на обзаведення». Осенню 1795 г. вчений з родиною поселився в Криму, де плідно працював ще 15 років [28]. Багато практичних пропозицій П. Палласа були втілені в життя. В 1810 г. він виїхав в Берлін для обробки наукових матеріалів, де скоро і помер; в 1854 г. йому був встановлений пам'ятник від двох академій – Петербургської і Берлінської.

В розповіді «Амірани» Йокані детально розповідає про такі унікальні явища культурного життя України як фортечний театр і духовий оркестр, підкреслюючи природну талановитість підневільних кріпаків, що повністю відповідає фактам історії.

Зацікавився Йокані і історією українського козацтва. Зображення ім козацьких виборів було лише приводом для роздумів над життєвими питаннями політики Австро-Угорщини, однак спосіб і порядок цього феномена викладений автором з виключною достовірністю і добродушним гумором, що викликає думку про безпосередньому впливі на угорського письменника відповідної сцени з «Тараса Бульби» Н. В. Гоголя. З цією повістю він міг познайомитися як в французькому (1845) або німецькому (1846) виданнях, так і в двох повних угорських, виконаних відомими закарпатськими перекладачами Міхаєм Финциком (1874) і Ласло Чопеєм (1877). Всього ж ця повість до 1945 г. видавалася в Угорщині 11 разів [29], т. к. була найбільш популярним твором Н. Гоголя серед угорських читачів, зрозумілим їх вольнолюбивим настроям. Тому не дивно, що в розповіді «Маленьке незрозуміння» письменник говорить про Тараса Бульбу як про реально існувавшого вождя козацького повстання, якого досягла мучительна смерть, але не може утриматися від характерних для нього фантастичних вигадок (у сучасного читача викликає лише знизуючу посмішку повідомлення про те, що зроблене з Тараса Бульби чучело виставлено в Казанському соборі для устрашення публіки).

В будь-якому випадку, «Козацький атаман» вільний від неправди, подібних тем, якими повна книга де Лагарда «Подорож з Москви до Відня» (Париж, 1824). Французький автор стверджував, що козацький атаман – це той, хто в поході вирізнявся найбільшою жорстокістю (при відомій хоробрості). Гетьману ж «всі племена» платили данину, йому ж належала і більша частина здобичі. Бідні панів страждали, а кровожадні козаки блаженствовали [30]. Ми спеціально звертаємо увагу на думку де Лагарда, т. к. при зображенні гайдамаків Йокані буквально буде

цитировать характеристики французского путешественника, о чём речь пойдет несколько позднее. Удивляться этому не приходится, т. к. уже в наше время голливудский фильм, снятый «по повести» «Тарас Бульба» в пампасах Аргентины с Юлом Бриннером в главной роли, состоит из самых невероятных измышлений. Недаром в американских рецензиях на этот фильм (январь 1963 г.) можно прочесть такие высказывания: «...Казацкая борьба за независимость Украины была лишь поводом для варварства», а Тарас Бульба – это лишь «балбес, не умнее своего коня», «оргии, битвы, убийства, предательства, любовь, война, ненависть, обжорство и пьянство – и всё это с омерзительным неандертальским привкусом». В связи с этим газета украинской диаспоры в Канаде «Новий шлях» выступила с резким протестом против злобно-лживых инсинуаций против Украины и её рыцарей – запорожских казаков – как в кинофильме, так и в рецензиях на него [31].

К счастью, о запорожцах в Европе знали даже в прошлые столетия гораздо больше, чем в современных Соединенных Штатах. Не одну страницу заняло бы даже простое перечисление того огромного количества западноевропейских публикаций о запорожских казаках, которые появились практически во всех странах континента, начиная с XVI в. [32]. Многими из них как своими источниками пользовался и Йокаи, особенно немецкими, французскими, австрийскими и венгерскими; вполне вероятно, что некоторые из них до сих пор остаются вне поля зрения исследователей.

Во всяком случае, не могли пройти мимо внимания Йокаи такие факты как успешные войны казаков против Османской Порты и Польши, молниеносное взятие ими Дюнкерка после безуспешной и многолетней осады крепости французской армией, неоценимая помощь при освобождении Вены от турок в 1683 г. [33], главный герой которого – казак Юрий Кульчицкий – в награду за свой подвиг попросил лишь 3 мешка кофейных зёрен, захваченных в турецком обозе. Он открыл в Вене кофейню (вот откуда стало известным «кофе по-венски!»); благодарные современники установили на этом доме мемориальную доску [34]. Более того, в 2003 г. их потомки горячо поддержали инициативу украинского посольства в Австрии установить в Турецком парке Вены оригинальный бронзовый памятник украинскому казаку работы киевских мастеров искусства [35]. Европейские газеты не жалели своих полос для сообщений о войнах Богдана Хмельницкого, а позднее – о гетмане Иване Мазепе. Фигуры обоих выдающихся украинских гетманов интересовали и Йокаи.

Богдан Хмельницкий является одним из

героев второго плана в рассказе Йокаи «Женский волос» (1879), посвящённом совместной борьбе казаков и татар против поляков [36]. О несчастливой судьбе младшего сына Богдана Хмельницкого Юрия (ок. 1641-1685), его заточении в турецкой тюрьме (с 1673 г.) повествует рассказ Йокаи «Раб Едикуля» (1878). В нём на фоне эпизодов казацко-турецкой войны, изображённых интересно и достаточно достоверно, разворачиваются романтические любовные приключения, которые подчёркивают красоту и супружескую верность украинок [37].

Йокаи была известна истинная роль в истории Украины гетмана И. Мазепы, незаслуженно клеймённого как предателя царя официальной российской пропагандой и преданного анафеме послушной Петру I церковью. Советская историография пошла ещё дальше, объявив мятежного гетмана предателем собственного (украинского) народа. И. Мазепа предпринял попытку отвоевать у Москвы для своего народа независимость, утраченную после Переяславской рады 1654 г. (Было ли это решение Б. Хмельницкого вынужденным и безальтернативным или же поспешным и непродуманным – не решились даже горячие дискуссии историков последних лет по случаю 350-летия этого события. Поляки, например, до сих пор не могут простить Б. Хмельницкому его «уход» от европейской цивилизованной Польши «под руку» азиатского и деспотичного царя России).

Йокаи только упоминает имя И. Мазепы, но в таком контексте, который недвусмысленно определяет отношение писателя к украинскому гетману. Он называет И. Мазепу в одном ряду с самыми знаменитыми вольнолюбивыми поэтами мира Д. Байроном и А. Пушкиным (рассказ «Генерал и астральный дух» из сборника «Кровавая книга», 1878). Однако романтик Йокаи никак не мог пройти мимо легенды о том, как был наказан юный паж польского короля И. Мазепа за его амуры с женой шляхтича Фальбовского. Легенда была опубликована недругом И. Мазепы, шляхтичем Пассеком и пленила воображение множества художников, композиторов, поэтов и писателей, которые уже три столетия воспроизводят эту романтическую и эффектную историю – от Д. Г. Пейна (1812) до Б. Брехта. На страницах своего знаменитого романа «Сыновья человека с каменным сердцем» Йокаи описывает представление драмы «Мазепа», в котором чуть-чуть одетая прекрасная всадница изображает пажу, привязанного мстительным шляхтичем к дикой необъезженной лошади. Писатель видел этот спектакль в Будапеште со знаменитой американской актрисой Адой Менкен в главной роли [38].

Йокаи не обошёл вниманием и такой

феномен української історії як запорожці і гайдамаки. Во второй главе «Свободы под снегом» путник по дороге в Киев попадает в гостеприимную «страну запорожцев» – Сечь, которая представляется ему деревней: дома там сделаны из самана, а крыши – из камыша, и называются эти строения куренями. Правильно объяснив происхождение слова «запорожцы» («за порогами»), автор тут же основным признаком запорожцев считает их обычай пропитывать новую одежду колёсной мазью (дѣгтем), чтобы она дольше носилась. Свободолюбие запорожцев Йокаи видит в возможности свободно грабить соседей, а также выгнать надоевшую супругу и взять новую.

И здесь реальные исторические факты перемежаются с вымыслами Йокаи. Ко времени действия романа (1824-1825 гг.) Запорожская Сечь уже не существовала (с 1775 г.). Описанная автором встреча с запорожцами, как и крушение лодки у Ненасытца, являются анахронизмами: ещё при Потёмкине Ненасытские пороги были расчищены и благодаря каналу стали пригодными для судоходства [39]. Полное отсутствие женщин в Запорожской Сечи общеизвестно, колёсная мазь – очередной курьёз, что же касается склонности запорожцев к грабежам – Йокаи был далеко не первым и не единственным зарубежным автором, который мог назвать грабителями или разбойниками и запорожцев, и гайдамаков, о которых венгерский писатель более развёрнуто рассказывает в романе «Egy hihetett kalandora XVII. századból» (в русском переводе «Похождения авантюриста Гуго фон Хабернихта», Будапешт, 1987).

Изложение ведётся от имени главного действующего лица, носящего прозрачно-символическую фамилию «Ничего-неимеющий». Он действительно не обременён ничем: ни собственностью, ни совестью, ни какими бы то ни было моральными принципами. Именно через восприятие этого законченного негодяя подаёт Йокаи картины гайдамацкого движения, его быта и нравов.

По Йокаи, гайдамаки – «могучее грозное племя», интернациональное по составу: там были «поляки, чехи, русины, болгары, валахи, ясы, мадьяры племени «чанго», казаки – что ни тип, то отпетый разбойник»; их предводителем становился самый дерзкий, до безумия храбрый злодей, «который собирает подати со своих окрестных жителей» (вспомним де Лагарда!). В то же время венгерский автор признаёт наличие у гайдамаков своеобразного кодекса чести: у них были запрещены ссоры на национальной почве; они спасали осуждённых на казнь, в частности молодых и красивых женщин, приговорённых к сожжению заживо за супружескую измену или колдовство; ни один из гайдамаков и помыслить не мог о совращении жены товарища, и т. д.

Подчинялись они лишь одному закону – слову вожака (карампаши). Гайдамаки были единственной надеждой «для всех сирых и убогих, промышляющих воровством, поджогами, разбоем, убийством, фальшивой монетой, похищениями и т. п. делами и в страхе перед законом пребывающих», за что их уважало местное население.

У гайдамаков не было ни родины, ни городов, ни крепостей, а домом им служили хитроумно устроенные и замаскированные убежища в пещерах, чашобах, ущельях или камышовых плавнях, где они скрывались от погони после очередных разбойничьих набегов на дворянские поместья (преимущественно польские фольварки), еврейские корчмы, а также монастыри и церкви. Награбленное добро по справедливости делил вожак; наиболее отличившийся получал в награду девушку (из спасённых от костра или виселицы), с которой при обоюдном желании мог и обвенчаться («мораль гайдамаки соблюдали строго»). Поскольку Йокаи сообщает, что гайдамацкие священники служили мессы, он считал их католиками.

На самом деле Гайдамачина не была ни разбоем, ни диким разгулом черни, как пугачёвщина; она имела ярко выраженный национально-освободительный характер: православные сражались против угнетавших их поляков-католиков.

Но Йокаи не говорит ни о каких бы то ни было причинах или побудительных мотивах вступления украинцев в эти вольные, бесшабашные ватаги, безоговорочно повинующиеся своему предводителю, ни о политическом, экономическом, национальном, религиозном угнетении – только о жажде грабежа и разбоя. Для автора среда гайдамаков – это только условный романтический фон для развёртывания походов его «антигероя». В таком же духе, как и в «Похождениях авантюриста», Йокаи упоминает о гайдамаках в романах «Дамокоши» и «Красавец Михай»; это свидетельствует о том, что сущности Гайдамачины он не понял и, соответственно, не отразил.

Венгерский писатель не смог понять и по достоинству оценить феномен Запорожской Сечи – казацкой демократической республики, прогрессивной формы организации общества, которая по сути своей была несовместимой с царской деспотией, из-за чего и была уничтожена. Однако, вполне возможным представляется и другой вариант. Йокаи был последовательным сторонником польской национальной независимости; он резко выступал против антипольских мероприятий российского царизма как в публицистических статьях, так и в беллетристике. Он считал поляков товарищами

по борьбе «за нашу и вашу свободу» (тут же вспоминается польское «Венгер, поляк – два брaтанки / Як до шаблі, як до склянки»), которые бесконечно воевали и с запорожцами, и с гайдамаками. Больше всего тема запорожцев и гайдамаков нашла отражение в истории и литературе двух стран – Украины и Польши. Серьёзных исторических трудов о Гайдамаччине (М. Максимовича, Н. Костомарова и т. п.) Йокаи, естественно, не читал, так же как и украинской беллетристики (Т. Шевченко, Г. Квитки-Основьяненко, А. Стороженко и др.) [40].

С украинским фольклором как историческим источником дело обстоит несколько иначе. В то время как историк может ошибиться в своих оценках, о чем-то промолчать, в общем – ввести читателей в заблуждение, народное творчество запечатлевает истину (так смотрели романтики на роль фольклора). У Йокаи была возможность достаточно серьёзно познакомиться с украинскими народными историческими думами, песнями и легендами по немецким и венгерским источникам и материалам.

Широко известный в Европе немецкий переводчик, поэт и мемуарист Фридрих Боденштедт (1819-1892) во время своего многолетнего пребывания в России и близкого знакомства со многими украинскими деятелями настолько пленился народными песнями Украины, что перевёл их на немецкий язык и издал в 1845 г. целый сборник «Поэтическая Украина». Этот сборник и введение к нему в виде краткого очерка истории украинского народа сыграл неоценимую роль в формировании облика подлинной казацкой Украины [41].

В 1865 г. в Будапеште была опубликована статья «Поэзия Украины», принадлежавшая перу известного литератора и переводчика поэзии А. Пушкина и М. Лермонтова на венгерский язык Имре Зилахи (1845-1867). В ней автор сообщал много данных о народной поэзии Украины, о её исторических думах и песнях, в частности казацких, а также эклектических сведений об Украине и её народе. Казацкой народной поэзии была посвящена и одноимённая статья искусствоведа, композитора, мемуариста Корнеля Абраньи (1822-1903), ещё более информативная и содержательная [42]. Поскольку Йокаи внимательно следил за подобной литературой, можно с уверенностью утверждать, что он был знаком и со сборником Ф. Боденштедта, и со статьями своих соотечественников. Однако в венгерском писателе победили его польские симпатии: он встал на точку зрения польских романтиков (С. Гоцинский и др.), которые изображали гайдамаков благородными разбойниками [43].

Роман «Похождения авантюриста Гуго

фон Хабернихта» от начала до конца сохраняет авантюрно-приключенческую тональность и практически почти никакой достоверной информации не содержит. Однако не следует упускать из вида тот факт, что у беллетриста Йокаи в каждом отдельном случае была вполне определённая цель, и он добивался её, используя все компоненты своего художественного метода, в том числе фантазию. Если бы Йокаи углубился в действительную историю Украины, он вполне мог бы обойтись и без домысла, и без вымысла: она дала бы ему материал для произведений не менее захватывающих и драматических, чем история Венгрии, России и других стран. Об этом писал не только украинский издатель и собиратель фольклора Иван Розковшенко в письме к историку Измаилу Срезневскому в 1830 г. («Если бы Украина имела своего Вальтера Скотта, она превзошла бы Шотландию и любую другую страну, как неисчерпаемый источник для исторических повестей»), но и русский издатель, историк и журналист Н. А. Полевой: «... ни Швейцарская, ни Нидерландская революция не таили в себе столько удивительных и бурных событий, как история Украины» [44].

Йокаи только прикоснулся к сюжетным сокровищам украинской истории, но не развил это направление своего творчества, а в изображении запорожцев и гайдамаков он не смог отойти от зарубежных источников, которые в основном считали их конгломератом разноразнонациональных авантюристов. Он даже не упомянул о прогрессивной роли запорожцев в антифеодальной национально-освободительной борьбе украинского народа, отметив, правда, демократический характер Запорожской Сечи.

В романе «Свобода под снегом» Йокаи довольно верно воспроизводит деятельность тайных декабристских обществ, действовавших в Украине, – Южного и «Общества соединённых славян». Он сообщает об их планах, о доносе капитана Майборода, переданном царю через генерала Рота, об аресте Пестеля, а также о героическом походе восставшего Черниговского полка, о чём, кстати, в России до 1871 г. не было известно почти ничего: «Арестованных братьев Муравьёвых-Апостолов освободили офицеры, принадлежавшие к республиканскому обществу соединённых славян, и, подняв солдат, провозгласили республику в Василькове. Местный священник благословил их знамёна. Но это благословение не принесло успеха. Тут их расстреливали картечью, тут их топтали лошадьми; над их могилами соорудили виселицу. Это был их надгробный памятник» [45].

Однако, говоря о декабристах из «Общества соединённых славян», Йокаи не упоминает о том, что его члены-украинцы

(братья Борисовы, Иван Горбачевский) имели иной взгляд на украинский вопрос, нежели «Южное общество», с которым они объединились в сентябре 1825 г. (так, П. Пестель даже не считал украинцев отдельной нацией) [46]. На киевском совещании 1824 г. не была решена проблема будущего Украины и Белоруссии – т. е. пробел в политической программе декабристов остался незаполненным.

Несмотря на знание венгерским писателем отдельных сторон жизни Украины в составе Российской империи, некоторых её реалий, в целом доля вымысла и фантазии по сравнению с «русскими» произведениями приобрела преобладающий характер.

Однако большой заслугой Йокаи следует

считать тот непреложный факт, что уже самым обращением к украинской тематике он привлекал внимание к Украине, пробуждал интерес у своих читателей к её жизни, её истории, хотя преследовал при этом свои общественно-политические цели. Он ни разу не назвал украинцев «малороссами». (Лишь в романе «Сыновья Ракоци» один из героев употребил название «фрутены» по отношению к русинам, жившим на территории Венгрии). А это означает, что он имел свою собственную точку зрения на существование украинской нации как самостоятельного, отличного от русских этнического образования, имеющего право на свою государственность, что лишний раз доказывает его историческую прозорливость.

1. Герасимова Г. П. Россия и Украина в изображении Мора Йокаи: достоверность и фантазия: Научная монография / Г. П. Герасимова. – Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2009. – 264 с.
2. Пагирия В. Мукачево: історія міста над Латорицею / В. Пагирия, В. Ціцак. – Ужгород, 1996. – С. 64-65.
3. Штернберг Я. М. Михай Зичи и Тарас Шевченко / Я. М. Штернберг // Закарпатская правда. – 1989. – 2 марта.
4. Україна у старій листівці: альбом-каталог. – К., 2000. – С. 293.
5. Дурылин С. Н. Айра Олдридж / С. Н. Дурылин. – М.-Л: Искусство, 1940. – С. 28.
6. Там же. – С. 5.
7. Гаал Д. Ш. Лист / Д. Ш. Гаал. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 320 с. – С. 79.
8. Дні Ференца Ліста // Українське слово. – 1998. – 29 жовтня. – С. 9.
9. Энциклопедия жизни и творчества Н. И. Костомарова (1817-1885). – Киев-Донецк, 2001. – С. 237.
10. Гаал Д. Ш. Указ. соч. – С. 232.
11. Алексеев С. І. Подільська муза... / С. І. Алексеев. – Вінниця: Велес, 2001. – 112 с. – С. 46.
12. Мильштейн О. В. Ференц Лист / О. В. Мильштейн. – В 2 т. – Т. I. – М., 1956. – С. 356.
13. Jókai Mór. Görög tűz // Jókai Mór összes művei. Regények. 33. k. – Budapest: Akad. Kiadó, 1970. – Old. 183.
14. Політичний терор і тероризм в Україні XIX-XXI ст.: історичні нариси / НАН України, Ін-т історії України; Відп. ред. В. А. Смолій. – К.: Наукова думка, 2002. – С. 45.
15. Jókai Mór. Achtiari fogoly // Jókai Mór összes művei. NK. XIX k. Véres könyv. – Budapest, 1905. – Old. 288-289.
16. Jókai Mór. Valahány ház – annyi szokás // Jókai Mór összes művei. NK. XIV. k. Árnýképek. – Budapest, 1898. – Old. 138.
17. Jókai Mór. Valahány ház – annyi szokás // Jókai Mór összes művei. NK. XIV. k. Árnýképek. – Budapest, 1898. – Old. 138.
18. Jókai Mór. Valahány ház – annyi szokás // Jókai Mór összes művei. NK. XIV. k. Árnýképek. – Budapest, 1898. – Old. 157.
19. Jókai Mór. Valahány ház – annyi szokás // Jókai Mór összes művei. NK. XIV. k. Árnýképek. – Budapest, 1898. – Old. 147.
20. К. К. Українські звичаї та традиції // Визвольний шлях. – 1950. – № 9. – С. 17.
21. Jókai Mór. Valahány ház – annyi szokás // Jókai Mór összes művei. NK. XIV. k. Árnýképek. – Budapest, 1898. – Old. 156; Скотт В. Айвенго // Скотт В. Собрание сочинений. – В 20 т. – Т. 8. – М.-Л., 1962. – С. 336-340, 357-362.
22. Radó György. Jókai Mór és Szovjetunió népei. – Budapest, 1975. – Old. 58.
23. Бутенев Л. П. Воспоминания / Л. П. Бутенев // Исторический архив. – М., 1951. – Т. VII. – С. 27-28.
24. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). – СПб., 1865. – С. 192.
25. Суворов Р. Н. Ловкий царедворец или радетель за отечество? // Суворов Р. Н. Легенды Казачьего Гая. – Днепрпетровск, 2003. – С. 32-38.
26. Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф / А. М. Панченко // Русская литература XVII - начала XIX веков в общественно-культурном контексте. – Л., 1983. – С. 103.
27. Гончарук Т. В. Григорій Потьомкін – гетьман українського козацтва: Науково-популярний нарис / Т. В. Гончарук. – Одеса: Астропринт, 2002. – С. 36-37.
28. Лайелл Р. Симферополь и его окрестности / Р. Лайелл // Крымский альбом: альманах. – 2002. –

- Феодосия-Москва, 2003. – С. 17-33.
29. Комлош А. Путь Гоголя в венгерской литературе / А. Комлош // Венгерско-русские литературные связи. – М., 1964. – С. 11, 15.
30. В. Г-ко [В. Горленко]. Француз-путешественник на Украине / В. Г-ко // Киевская старина. – 1885. – Т. 13, № 12. – С. 749-757.
31. Протест проти оплюгавлення козаків-запорожців // Новий шлях. – Вінніпег-Торонто, 1963. – 26 січня. – С. 2.
32. Наливайко Д. Козацька християнська республіка: Запорозька Січ у західноєвропейських літературних пам'ятках / Д. Наливайко. – К., 1992. – С. 478-494; Нудьга І. Республіка козаків: Середньовічна Європа про Січ та козаків / І. Нудьга. – Львів, 1991. – С. 106-109.
33. Плачинда С. Козаки в Дюнкерку: історичні фрески / С. Плачинда. – К.: Діокор, 2003. – 140 с.
34. Ямінський Б. Відень 1683. Козаки і Кульчицький / Б. Ямінський. – Відень, 1983. – 239 с.
35. Луцький Ю. Між Гоголем і Шевченком / Ю. Луцький. – К.: Час, 1998. – 256 с.
36. Radó György. Jókai Mór és a Szovjetunió népei. – Budapest, 1975. – 95.1. – Old. 59.
37. Radó György. Jókai Mór és a Szovjetunió népei. – Budapest, 1975. – 95.1. – Old. 59.
38. Рудницький Л. І. Мазепа на американській сцені / Л. І. Рудницький // Київ-Філадельфія, 1959. – № 5. – С. 17-23.
39. Гончарук Т. В. Григорій Потьомкін – гетьман українського козацтва: Науково-популярний нарис / Т. В. Гончарук. – Одеса: Астропринт, 2002. – С. 37.
40. Кейда Ф. Ф. Відлуння далекої доби: Гайдамащина в українській літературі / Ф. Ф. Кейда. – К.: Логос, 2000. – С. 11.
41. Наливайко Д. Вказана праця. – С. 448.
42. Нудьга І. Українська пісня в Угорщині // Нудьга І. Українська дума і пісня в світі. – Кн. 1. – Львів: Ін-т народознавства НАН України, 1997. – 424 с. – С. 398-401.
43. Щурат В. Коліївщина в польській літературі до 1841 року / В. Щурат. – Львів, 1910. – С. 4.
44. Луцький Ю. Вказана праця. – С. 35.
45. Jókai Mór. Szabadság a hó alatt, vagy a Zöldkönyv // Jókai Mór összes művei. Regények. 37. k. – Budapest: Akad. Kiadó, 1965. – Old. 260.
46. Конта Р. Ідеї державотворення в програмних документах декабристів / Р. Конта // Декабристи в Україні: Дослідження і матеріали. – Т. 3. – К., 2003. – С. 91-108.

РЕЗЮМЕ МОР ЙОКАИ И УКРАИНА

Герасимова Г. П. (Київ)

Стаття посвячена рассмотрению малоизвестных страниц творчества классика венгерской литературы XIX в. Мора Йокаи, а именно – отражению истории Украины в его своеобразном романтическом стиле, сочетавшем достоверность с очаровательной фантазией.

Ключевые слова: Мор Йокаи, история Украины, Россия, достоверность, фантазия.

SUMMARY MOR JOKAI AND UKRAINE

G. Gerasimova (Kiev)

The article deals with Ukrainian history's depiction in Jokai Mor's (Hungarian classic of XIX century) little known works. They were created in original romantic style, which combine authenticity with fascinating imagination.

Keywords: Jokai Mor, history of Ukraine, Russia, authenticity, imagination.

УДК 930.2:94(477.87)"1944-1950"

ДЖЕРЕЛА ПРО РАДЯНІЗАЦІЮ ЗАКАРПАТТЯ (1944-1950 рр.)

Данилюк Д. Д., Міщанин В. В. (Ужгород)

У статті аналізується джерельна база з проблеми радянзації Закарпаття другої половини 1940-х рр.: охарактеризовано джерела, які стосуються возз'єднання Закарпаття з Радянською